

Фрэнсис Элиза
Бёрнетт

Annotation

Все считали, что Пичино повезло, когда его взяла к себе богатая англичанка. Малыш был такой хорошенький, что все им восхищались, но потом он понял, что такая жизнь не для него

-

Фрэнсис Элиза Бернетт
Фрэнсис Элиза Бернетт

notes

1

Фрэнсис Элиза Бернетт

**Собрание сочинений в четырех томах
Фрэнсис Элиза Бернетт**

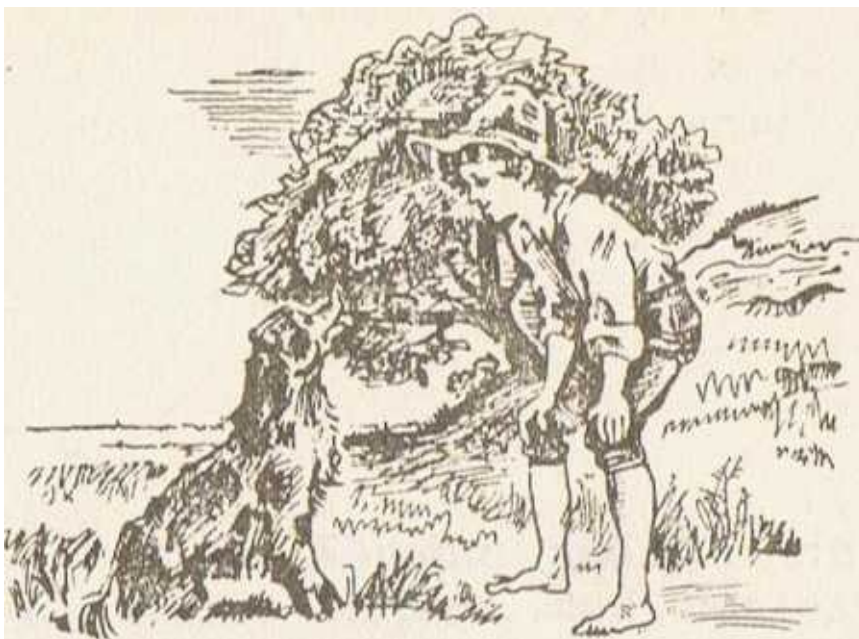

Том 1

**Приключения
маленького**

лорда

Два дня из жизни Пичино
Санкт-Петербург «Политехника» 1993

Два дня из жизни Пичино
Повесть
Перевод с английскою Е. М. Чиапьякоой-Вер

Глава I

Если бы Пичино прожил сто лет и стал таким старым, как прадедушка маленького Роберта, Джузеппе, который пошевелиться не может без чужой помощи и, греясь на солнце, все время играет обрывками веревочек, - если бы он дожил и до такой старости, он и тогда не мог бы позабыть эти два странных ужасных дня.

Он иногда рассказывал о них своим товарищам постарше себя - особенно часто Карло, который пас овец и ничего не боялся, даже не боялся подшучивать над форестьери*, - и товарищи говорили, что, по их мнению, Пичино поступил глупо: ведь ему давали все, что он хотел, а значит, дело обстояло не так уж и плохо и можно было бы вытерпеть, хотя все товарищи соглашались с Пичино, что происшествие с водой было ужасным.

Впоследствии, когда Пичино подрос, а мать умерла и отец женился

вновь на толстой злой Пауле, которая нередко била его, ему пришлось пасти овец и коз целыми днями в горах, полуприкрытому лохмотьями и голодному. Вот тогда ему случалось мечтать о некоторых кушаньях, от которых он отказывался в те два дня. И Пичино подумывал о том, поступил ли бы он так же и теперь, если бы ему пришлось снова очутиться в совершенно таких же обстоятельствах. Но такие мысли приходили ему на ум, когда он бывал очень голоден или когда с севера дул холодный ветер и море вместо синего делалось серым.

В то время когда это с ним случилось, он был еще совсем маленьким, ему еще не исполнилось шести лет. А когда ребенку нет шести лет, трудно быть вполне самостоятельным. Даже маленький крестьянин-итальянец, который весь день вертится среди овец и ослов - его самых близких друзей,- и тот все-таки нуждается в том, чтобы мать, сестра или брат заботились о нем.

А кроме того, семья Пичино смотрела на него, как на известного рода капитал, и поэтому к нему были внимательнее, чем к другим детям. Причиной этого было то, что он был хорошенький, удивительно хорошенький. Его братья и сестры не были красивы, но он был настоящим красавцем с самого первого дня рождения с каждым последующим днем все хорошел. Еще когда совсем крохотным его таскали на руках точнобольшой куль, обернутый в лохмотья, всех восхищали его огромные черные глаза с длинными, бархатистыми ресницами. И как только на его маленькой головке показались мягкие, шелковистые волосы, они завились густыми прелестными кудрями. Его кругленькие щечки и подбородок были очаровательны, и на них появлялись ямочки, когда он смеялся. На него всегда засматривались. Крестьянки называли его херувимом. Так они говорили об очень красивых детях, потому что понятие о детской красоте сложилось у них на основании тех роскошных картин и богато одетых статуй, которые им случалось видеть в церкви. Но больше всех им любовались форестьери.

*Так называют в Италии всех иностранцев. - Прим.перев.

Это обстоятельство играло особую роль в жизни Пичино.

Его семья жила в горах около маленького старинного городка, расположенного в двух или трех часах езды от одного из модных приморских итальянских курортов. В этот старинный городок постоянно приезжали иностранцы-путешественники, чтобы осматривать его древние постройки.

Приезжие богатые люди, которые, казалось, только и делали, что веселились, предпринимали обыкновенно поездки в колясках по красивой дороге, которая круто вилась вдоль берега среди оливковых рощ и виноградников и дальше исчезала в горах. Они всегда привозили с собой большие корзины, полные чудесных вкусных вещей. Слуги вытаскивали корзины и расставляли их содержимое на белых скатертях, постланных на траве в тени деревьев. И тогда приезжие начинали есть, пить вино, а потом осматривали старый город Чериани. По-видимому, им нравились его старинные здания.

Для детей города Чериани и его окрестностей такие дни бывали великолепными праздниками. Услышав о приближении компании иностранцев, они собирались в кучу и отправлялись разыскивать место, где остановились приезжие. Найдя его, они спокойно усаживались рядами возможно ближе и внимательно следили за всем происходящим, точно это было своего рода театральное представление, за вход на которое они заплатили деньги. Все они - мастера попрошайничать - знали, что у форестьеры всегда было много мелкой монеты, которую они охотно раздавали, иные по доброте, а иные, чтобы отвязаться от попрошаек.

Кроме того, дети по опыту знали, что те вкусные кушанья, которые оставались несъеденными, никогда не укладывались обратно в корзины, а доставались тому, кто просил их для себя. Поэтому дети сидели, не трогаясь со своих мест, весело поглядывали на пиршество и переговаривались, показывая свои белые зубы и делая гримасы. Они твердо надеялись, что их ждет обильная пожива, когда коляски поедут обратно по извиляющейся дороге в Сан-Ремо, к белым отелям с множеством красивых балконов.

Благодаря этим пикникам и была открыта ценность Пичино. Его, крошечного ребенка, нянчила в то время маленькая сестра Мария. Она ни за что не хотела отставать от своих товарищей и всегда брела позади их со своей ношей на руках.

Вскоре дети заметили, что форестьеры прежде всего обращали внимание на черненькую детскую головку с большими бархатными глазами. И раз их внимание останавливалось на Пичино, это имело очень приятные последствия и для других. Вся ватага получала больше кексов и бутербродов, цыплячьих ножек и кусочков дичи. Марии давали для Пичино мелкие серебряные монеты, а сама она получала иногда и целые франки за то, что была его сестрой и нянькой. А потом добрые джентльмены и леди, не желающие обижать

других детей, раздавали и им сольди.

Дети часто возвращались в Чериани с приятным сознанием, что это был для них хороший рабочий день. Дурным рабочим днем они называли такой, когда напрасно протягивали руки, бегая за колясками и жалобно крича: «Uno Soldino, Bella Signora! ¹» А в ответ им только отрицательно качали головой.

Пичино по рождению своему принадлежал к тому разряду людей, которые в детстве, и даже позднее, будучи взрослыми, твердо уверены в том, что англичане и американцы приезжают на красивую Ривьеру для того, чтобы можно было попрошайничать и всячески выманивать у них мелкие деньги, Мария была умной девочкой. Она многому научилась, повсюду таская за собой маленьких сестер и братьев, и очень скоро поняла, почему они получают вкусные кусочки из корзин.

--Это они ради Пичино подают,-говорила она подруге.- Они хотят посмотреть на него поближе и потрогать его щечки. Им нравится, когда он смеется и у него на щеках показываются ямочки. На меня бы они не стали смотреть, Кармела. Да и на тебя тоже. К нам они и не подошли бы.

Это была совершенная правда. Маленькие зрители пикников были очень живописны, но так ужасно грязны, что подходить к ним было опасно. У всех путешественников из Сан-Ремо составилось мнение, что в Чериани никто никогда и не слышал о мыле и что воды там боятся точно какого-нибудь ядовитого вещества. И это мнение имело под собой прочное основание.

- Они настолько же грязны, насколько беззаботны и надоедливы,-говорили о них.- А что, если бы кого-нибудь из них взять и вымыть с ног до головы?

Нельзя было быть грязнее Пичино. Какой он ни был хорошенький, но в иные дни даже самые восторженные леди не осмеливались взять его на руки. Можно было только издали любоваться его бархатными глазами и бросать ему пирожки и сольди. Его глаза всегда зарабатывали ему сольди и пирожки. И их было все больше и больше, по мере того как он подрастал. Теперь не только Мария и ее товарищи, но и сама мать Пичино начинали смотреть на него, как на источник дохода.

- Если он будет петь, когда вырастет,-говорила его мать, - то набьет себе полные карманы денег. Он будет петь перед отелями и в садах вилл, и каждый ему что-нибудь даст. Странные люди эти форестьеры: дают ребенку хорошие деньки за то, что у него длинные

ресницы. А у него-то, слава тебе, пресвятая Мария, они очень длинные. И как он еще о них не споткнется!

Мать Пичино была самой бедной из всех бедных. У нее было семеро детей и голая хижина, в которой они могли укрыться, но денег, чтобы их кормить и одевать, совсем не было. Ее муж, беззаботный лентяй, почти никогда не работал. А если ему и случалось заработать несколько сольди, то он живо их спускал и не давал тратить на такие пустяки, как топливо и пища.

Не будь Пичино итальянцем, он бы умер с голоду или от холода еще задолго до того происшествия, которое с ним случилось. Но на Ривьере солнце греет щедро и климат мягкий. А народ там рождается веселый и беззаботный и не обращает внимания на многое, что тревожит серьезных людей других стран. Что же касается Пичино, то он был счастлив, как бывает счастлив крошечный кролик, птенчик или маленький дикий зверек.

Когда он настолько вырос, что начал ходить и бегать, то для него начались чудные дни. Ему казалось, что жизнь состоит из теплых солнечных лучей, просвечивающих сквозь виноградные лозы и ветки оливковых деревьев, из согретых солнцем трав и цветов, из вкусного черного хлеба, который он жевал с наслаждением. Прекрасны были и те дни, когда Мария тащила его за собой к зеленым лужайкам, где сидели важные господа и ели великолепные кушанья, а после обеда давали ему кексы, чудесные кусочки птичек и сольди, все время переговариваясь между собой и повторяя всегда одно и то же: что он самый хорошенький мальчик, какого они когда-либо видели, и что у него самые чудные глаза.

*Сольди, прекрасная госпожа.

280___

- Ах! Какие у него ресницы! Посмотрите на его ресницы! - говорили они.- Какие они густые! Они, пожалуй, длиной с целый дюйм!

Иногда Пичино даже надоедали разговоры о его ресницах, но, как настоящий итальянец, он понимал, что должен быть им благодарен, так как они приносили ему счастье. Как-то раз пришел в Чериани один человек, попросил мать Пичино усадить его на камень, а сам принялся рисовать его. Кончив рисовать, он дал матери Пичино много франков, чему та была очень рада. Но Пичино остался недоволен. Ему

скучно было сидеть так долго на камне.

Это случилось за год до тех ужасных двух дней. А началось все с того, что на Пичино надели удивительные панталоны, которые были ему слишком велики. Один из его братьев вырос из них, проносив их изрядное время. Они были настолько истрепаны, насколько обширны, и настолько же грязны, насколько истрепаны, но Пичино очень гордился ими.

Он пошел показывать их своему любимому товарищу по играм и приятелю, ослу. Его сарайчик был рядом с комнатой, где спал Пичино. Это был маленький и такой славный осел! Он мог снести ношу, величиной почти с тот сарайчик, где сам помещался. И у него были пушистые уши и мягкие, пушистые бока, а ресницы и глаза такие же красивые для осла, как у Пичино они были хороши для мальчика.

Осел почти все время работал, но когда он был дома, то Пичино не расставался с ним. В холодные дождливые дни Пичино сидел с ним в его маленьком плохеньком сарайчике, разговаривал и играл с ослом, а не раз и засыпал, положив свою кудрявую головку на его теплый бок. В хорошие дни они вместе гуляли. Осел щипал траву, а Пичино воображал, что он уже настоящий пастух. Ночью Пичино, проснувшись, слышал, как кряхтит и шевелится осел. Перегородка, разделяющая их, была так тонка, что казалось, будто они спят рядом в одном помещении.

Разумеется, Пичино нашел необходимым пойти и показать свои новые панталоны ослу.

- Теперь я мужчина, - сказал он, встав прямо перед головой осла; две пары блестящих глаз нежно посмотрели друг на друга.

После этого осел и мальчик вышли прогуляться. Всегда, когда Пичино уходил из дома с ослом, мать и Мария не беспокоились о нем. Ведь они никогда не отходили далеко от дома. Пичино был еще слишком мал, да к тому же и поблизости они находили такие чудные местечки, где приятно было резвиться вдвоем.

Стояло самое прекрасное время года. Солнце ласково пригревало, но не палило.

Цвели анемоны и алели в траве дикие тюльпаны. Пичино не знал, сколько времени они гуляли. Он прекрасно позавтракал куском сухого черного хлеба без всякой приправы. Мать его все это время очень бедствовали и у

нее едва хватало денег даже на хлеб. Пичино, вполне довольный

жизнью, разгуливал по лужайкам и рвал полными пригоршнями желтые и красные тюльпаны. Осел улегся в траве, а Пичино сел около него и начал украшать красивыми яркими цветочками свою шляпу, как, бывало, делала это Мария.

Когда он надел свою старую мягкую фетровую шляпу остроконечной формы с широкими полями, украшенную красными и желтыми цветами, которые торчали в разные стороны и спускались на его мягкие густые кудри, то сделался удивительно хорошеньким, скорее, похожим на живую картинку, чем на настоящего ребенка. Он сидел в этом уборе и глядел вдаль, на кусочек синего моря, виднеющийся между скалами, как вдруг прибежала Мария.

- Осел! - кричала она.- Осел!

Плача, она схватила его за руку и потащила домой. Ноги Пичино были слишком коротки, и он едва поспевал за нею. Мария часто горячилась и всегда в такие минуты ходила очень быстро. Пичино привык к этому.

Все его родные кричали, бранились и 'размахивали руками из-за малейшего пустяка. И у матери его, и у соседей слезы, крики и восклицания вырывались при первом удобном случае, как и у всех прочих итальянских крестьян. Поэтому Пичино несколько не удивился, что Мария налетела на него точно вихрь, бормоча сквозь слезы что-то невразумительное. Он только не понял, причем тут осел, и сам осел этим, должно быть, озадачился, потому что встал и пошел вслед за ними по дороге.

Но когда они подошли к дому, для Пичино стало ясно, насколько происшедшее событие было важным и необыкновенным.

Пичино увидел старого человека, который стоял у двери и разговаривал с матерью. Вернее, он старался изредка вставить слово среди потока ее слез, ударов в грудь и жалоб, смешанных с упреками мужу, который стоял тут же, смущенный и сердитый.

- Лентяй, негодная тварь! - кричала она. - Дармоед! Ничем ты не помогаешь мне кормить детей! Я только одна и работаю, я и осел. Без осла мы бы с голоду умерли! Да, с голоду! А он продал его, бедное животное! Прогнал ради своей утехи. А я умираю тут без осла! И он еще ко мне привел этого мошенника, которому продал осла!

Пичино, хоть и был еще так мал, понял, что отец продал осла и его уведут от них. Он громко вскрикнул, вырвался из рук Марии, подбежал к ослу, крепко обхватил его переднюю ногу и прижался щекой к серому ослиному боку.

Около часа мать то плакала, то бранилась. Она упрекала поочередно и мужа, и старика, купившего осла. Подошли соседи и поддержали ее. Все согласились, что старый Беппо - ростовщик и мошенник, который провел пьянчугу Аннибала. Старого Беппо так ошеломила буря бранных слов, которыми его осыпали, что он наконец согласился оставить осла у матери Пичино дня на два, чтобы она могла окончить начатую с его помощью работу. И он ушел, ворча громко, и унес с собой веревку, которую приготовил для осла.

Дома нечего было есть, а мать была слишком подавлена горем и охвачена злобой на мужа, чтобы приготовить детям хоть какое-то подобие еды. Но, к их великому счастью, вдруг появился Филиппо с известием, что три большие коляски, полные знатных господ и чудесных многообещающих корзин, остановились у поворота дороги, где росла густая трава и стояли высокие деревья.

- Пойдем, - сказала Мария, схватив Пичино за руку.

Она мельком взглянула на брата. От слез его нежные щеки разрумянились, а с пурпуровых детских губ еще не исчезло грустное выражение. Шляпа с тюльпанами съехала на затылок, и на фоне красных и желтых цветов его глаза] казались еще красивее, чем обычно. И Мария поняла, что на этот раз кексов, бутербродов и сольди им достанется больше, чем когда-либо. Ей и в голову не пришло, что, когда он плакал и терся щекой об осла, то страшно запачкался. Никто не думал о грязи в том обществе, где жила Мария. Но как он был грязен, этот прелестный, кудрявый Пичино с ямочками на розовых щеках!

Вблизи местечка, которое выбрали веселые иностранцы, стояла каменная стена. Слуги разостлали на траве ковры и разложили прдущки. Вся компания только что успела удобно расположиться на них, разбившись на маленькие группки, как одна леди взглянула вверх и рассмеялась.

- Посмотрите туда,- кивнула она в сторону низкой стены, находившейся в нескольких шагах от них.

Маленький мальчик, усевшись на стене, болтал ногами и поглядывал на них с видом довольного человека, успевшего добыть себе лучшее место в театре.

- Он догадлив,- сказала леди,- первым забрался сюда. Сейчас придут и другие.

Они - точно стая маленьких коршунов. Босвики, у которых вилла в Пальмьери, были в этих местах на прошлой неделе и говорили, что

дети вырастают здесь точно из-под земли.

Слуги бесшумно двигались в почтительном молчании, распаковывая корзины и расстилая белые скатерти. Джентльмены и леди весело разговаривали и смеялись. Через несколько минут та же леди снова взглянула наверх.

- Посмотрите,- сказала она,- теперь их трое!

Действительно, на стене болталось уже шесть ног. Вторая и третья пары ног принадлежали девочкам, а их владелицы смотрели на веселое общество с таким спокойным довольством, точно их присутствие здесь было самым естественным и подобающим делом на свете.

Та леди, которая первой заметила детей, была высокой красивой англичанкой. Не большие глаза смотрели беспокойно и по временам как будто утомленно. Густые темные волосы отливали рыжеватым цветом. Все окружающие выказывали ей большое внимание. Это она устроила поездку, ей принадлежали коляски, корзины и слуги. Гости звали ее леди Алиной. Она была вдовой, очень богатой и бездетной, пользовалась всем, что могут дать богатство и знатность, но ей не удавалось развлечься. Может быть, это оттого, что она слишком много заботилась о себе, а до всех прочих людей ей не было ровно никакого дела.

-Босвики,- сказала она,- в восторге от одного ребенка, которого они здесь видели. Они так много говорили о нем ,что даже немного надоели. По их словам, он грязен как поросенок и красив как ангел. Для других детей он, говорят, приманка, на него они ловят подачки. Я бы хотела, чтобы они привели его сюда сегодня. Мне бы хотелось видеть его. Но я думаю, он вовсе не так красив, как о нем говорят. Знаете, ведь Мэри Босвик намеревается быть художницей и слишком легко от всего приходит в восторг.

- Любите вы детей, леди Алина? -спросил господин, сидевший около нее.

- Не знаю,- ответила она,- у меня их никогда не было, но мне кажется, они должны быть забавны. А эти маленькие попрошайки-итальянцы бывают иногда очень красивы. Может быть, мне не было бы так скучно, если бы у меня был красивый ребенок. Я бы хотела мальчика. Пожалуй, я как-нибудь куплю себе мальчика у итальянца-крестьянина. Ведь они всё готовы отдать за деньги.

Она повернула головку и опять засмеялась.

Их теперь около двенадцати на стене,- сказала она.- Может, и

больше. Нужно их сосчитать.

Оказалось, что их уже четырнадцать. Дети сидели в один ряд и болтали ногами. Они были грязны и глядели во все глаза на то, что происходило, без малейшего смущения или замешательства.

Увеличиваясь в количестве, ряд на стене становился понемногу оживленнее.

Юные зрители стали обмениваться бойкими замечаниями относительно всей компании, лакеев и лакомых кусочков, которые гости леди Алины передавали друг другу.

Десять минут спустя леди Алина насчитала уже двадцать два зрителя, но когда она дошла до двадцать первого, то внезапно остановилась.

- Боже мой! - воскликнула она и положила свою вилку.

Что такое? - поинтересовалась молодая девушка, сидящая рядом с леди) Алиной.

- Я совершенно уверена, что двадцать первый и есть тот самый ребенок, о котором говорили Босвики. Он действительно красив.

. - Который? - спросила девушка, нагибаясь вперед, чтобы хорошенько разглядеть.- Двадцать первый? Ах, вы, наверно, говорите про этого мальчика с краю. Что за красота! Мистер Гордон, посмотрите на него.

И Мария с удовольствием заметила, что с полдюжины голов повернулось посмотреть на Пичино. Он сидел рядом с ней на стене - настоящее чудо красоты - и его широко раскрытые, бархатные глаза были мечтательно устремлены на вкусные вещи, а огненные тюльпаны обвивали его старую, поношенную шляпу и спускались на шею. Леди Алина очень заинтересовалась им.

- Никогда в жизни не видела такого красивого зверька, - сказала она. - Мне и в голову не приходило, что дети могут быть такими хорошенькими. Невозможно представить себе ребенка лучше его.

Скоро все стали смотреть на Пичино и говорить о нем. Заметила это не только Мария, но и остальные дети и втайне поздравили друг друга, так как знали, чем это все кончится. Только самому Пичино сделалось неприятно. Он пугался, когда на него так смотрели и так много говорили о нем. Ему нравились кексы и кусочки вкусных птичек, но его смущали пристальные взгляды всех этих важных леди и джентльменов. К тому же он не был так жаден, как Мария и ее

товарищи. Он любил вкусные вещи, но не любил сам просить их, а другие совершенно не стеснялись выпрашивать подачки. Такова была их природа...

Мария, увидав, какое Пичино произвел впечатление, спустила его со стены на траву и приказала подойти к сеньорам и протянуть им ручку. Но он ухватился за сестру, замотал головой, надул свои пурпуровые губки и ни за что не соглашался идти.

Пока он упрямылся, а Мария шепотом его уговаривала и бранила, леди Алина подозвала одного из лакеев и приказала принести блюдо кексов и засахаренных каштанов.

- Миледи желает, чтобы я отнес их нищим детям? - спросил лакей Томас.

Его почтительная вежливость не позволяла ему выказать свое неудовольствие.

- Нет,- сказала леди Алина, вставая.-Я сама отнесу им.

Слушаюсь, миледи,- пробормотал Томас.

- Лучше бы она это мне поручила,-шепнул он потихоньку своим товарищам.-Как-нибудь случайно платье леди может дотронуться до них. А кому же охота к ним прикасаться!

Леди Алина донесла блюдо до ряда зрителей на стене. Мистер Гордон и еще двое-трое пошли за ней. Глаза детей начали искриться, а рты раскрылись в ожидании угощения. Но леди Алина подошла к Пичино и заговорила с ним по-итальянски.

- Как тебя зовут? - спросила она.

Он попятился немного, прижимаясь к Марии. Пичино очень не любил, чтобы к нему подходили, спрашивали, как его зовут, и заставляли отвечать. Ему не о чем было говорить с ними. Он разговаривал с ослом, но осел был его приятелем и они друг друга всегда понимали.

- Скажи синьоре, как тебя зовут,-прошептала Мария, потихоньку толкнув его.

Пичино,- сказал он наконец с недовольной гримаской.

Леди Алина рассмеялась.

- Он говорит, что его зовут Пичино, -сообщила она своим гостям,- Это значит «маленький». Вероятно, это его ласкательное имя. Сколько ему лет? - обратилась она к Марии.

Пичино ужасно надоело слушать все это. Как они могут спрашивать вечно одно и то же? Ведь он никогда не спрашивал, сколько им лет. Его это нисколько не интересовало.

- Ему будет шесть через три месяца, - сказала Мария.

- Хочешь кексов? - спросила леди Алина.

Пичино протянул свои невероятно грязные руки, но Мария сняла с него разукрашенную тюльпанами шляпу и подала ее леди.

- Если ее сиятельство пожелает положить кексы сюда,- сказала она,- ему будет удобнее их нести.

Леди Алина немного содрогнулась, но вытряхнула содержимое блюда в шляпу.

- Что за ужас эта шляпа! - заявила она своим гостям.- Все эти дети грязны, как поросята. Но мальчик выглядит еще красивее без шляпы. Посмотрите, какие у него чудесные густые волосы. Они местами с красноватым отливом и вьются, совершенно такими рисуют головки хе-рувимов. Если бы его волосы не были

так грязны ,Я бы с удовольствием погладила их.

Она говорила по-английски, и Пичино удивлялся, о чем можно так долго рассуждать, глядя на него. Он знал, что она говорит о нем, и поглядывал на нее искоса из-под темных ресниц.

- Мне всегда хотелось иметь возле себя такого хорошенького ребенка,- сказала она.

- Отчего вы не купите его? - шутливо заметил мистер Гордон.- Ведь вы только что сказали, что не прочь купить одного из них. Это все равно, что купить какое-нибудь художественное произведение.

- Это правда,- сказала леди Алина. -. Хорошая мысль. Пожалуй, я его и куплю.

Мне кажется, он бы меня развлек.

- На короткое время,- возразил мистер Гордон.

- Он был бы всегда окружен заботой,-сказала сухо миледи.- У меня ему было бы, конечно, намного лучше, чем у себя дома.

Леди Алина привыкла незамедлительно исполнять все свои желания, а тот, кто привык к этому и обладает большим количеством денег, может достать почти все, чего он хочет. Правда, не все можно купить за деньги, но она считала, что таких вещей мало. Как раз в это время леди Алина скучала больше, чем когда-либо. Перед отъездом из Англии у нее были неприятности, и она поехала на Ривьеру, чтобы с переменой места забыть о них.

Она побывала в Монте-Карло и нашла, что там слишком шумно и ничего нового для нее нет.

Ницца ей показалась слишком похожей на пригород Парижа, а из-

за множества отдыхающих там англичан прогулка по центральной улице нестати напомнила ей о Лондоне.

Леди Алина выбрала Сан-Ремо, потому что там было тихо - тишина ей в ту минуту нравилась - и потому что рассчитывала встретить нескольких своих знакомых. Она сняла белоснежную виллу, стоящую высоко над морем, окруженную пальмами и апельсиновыми деревьями. Ей нравился тихий шелест тонких желто-зеленых бамбуков в саду.

Леди Алина приглашала своих знакомых на обеды и чаепитие, предпринимала с ними поездки в горы и совершала экскурсии. Но она все-таки скучала и постоянно желала новых развлечений. Когда же леди Алина увидела Пичино и мистер Гордон подал ей мысль купить его, она сразу решила исполнить свое давнишнее намерение.

Случись ей натолкнуться на какую-нибудь хорошенькую, редкую обезьянку, собаку или попугая, она сделала бы так же. Пичино с его грязным, но прелестным личиком и необыкновенно длинными ресницами значил для нее не больше, чем попугай, собака или обезьянка. Конечно, он будет стоить ей дороже, так как ей придется снабдить его деньгами, когда он вырастет и перестанет забавлять ее. Но у нее было так много денег, что это ее нисколько не беспокоило. Впоследствии она может вовсе не видеть его, если ей этого не захочется. Можно будет отослать его в школу или сделать из него лакея. Совесть леди Алины не тревожила ее, и о какой-нибудь ответственности за свои поступки она и не думала.

И вот, после того как общество осмотрело все достопримечательности Чериани, она попросила мистера Гордона пойти вместе с ней к жалкой, развалившейся хижине, где жил Пичино.

Мария на этот раз собрала богатую поживу. Она возвратилась с полными руками, а карман у Пичино был набит мелкими монетами.

- Я хочу привести в исполнение вашу мысль, - сказала по дороге леди Алина своему спутнику.

- Какую мысль? - спросил мистер Гордон.

- Купить этого ребенка.

- Разумеется, - произнес мистер Гордон.- Ведь вы всегда уверены, что можете купить все, чего ни пожелаете.

- Почти все, - возразила леди Алина, слегка нахмутив свой красивый лоб.-

В данном случае я нисколько не сомневаюсь, что мне удастся купить то, чего я хочу.

Случилось так, что она пришла как раз в удачную для осуществления своих планов минуту. Подходя к домику, они слышали крики, вопли и проклятия гораздо громче тех, которые раздавались здесь утром.

Старый Беппо, по-видимому, раскаялся в своей уступчивости и вернулся за ослом. Он ни часом дольше не хотел оставлять осла у прежних его хозяев, решив работать на-нем самому. С собой он принес веревку и уже обматывал ее вокруг серой шеи осла, между тем как Рита, мать Пичино, плакала, размахивала руками и осыпала его проклятиями. Опять сошлись соседи, чтобы выразить свое сочувствие и посмотреть, чем же закончится дело. Дети громко заплакали. Аннибал начал браниться. И от всего этого в воздухе стоял страшный гул. Если бы леди Алина была менее решительной и невозмутимой, то, наверно, испугалась бы. Но она, не дожидаясь помощи мистера Гордона, смело вошла в самую середину толпы.

- В чем дело? - спросила она по-итальянски.- Почему вы подняли такой шум?

Тогда, после первой минуты изумления при виде такой знатной леди Рита и соседи начали хором высказывать ей свои чувства. Они хвалили осла, бранили Аннибала и утверждали, что старый Беппо - бездушный злодей, грабитель вдов и сирот.

- Лучше бы,- кричала Рита,- мои дети остались без отца. Он - лентяй, животное - выхватывает хлеб изо рта у своих бедных детей. Он продал их единственного друга и кормильца - осла!

Старый Беппо попробовал незаметно ускользнуть вместе со своей добычей, но леди Алина строго обратилась к нему:

- Не трогайтесь с места.

- Ваша светлость,- пробормотал испуганно Беппо.- Прошу извинить тысячу раз, но мне нужно идти на работу. Осел мой, я его купил. Осел мне принадлежит, ваша светлость.

Леди Алина очень хорошо знала итальянцев. Она показала Беппо свой кошелек с деньгами.

- Не трогайтесь с места,- повторила она.- Я с вами после поговорю.

Затем леди Алина повернулась к Рите.

- Перестаньте шуметь,- приказала она ей.- Мне нужно сказать вам несколько слов.

Какие разговоры могут быть у ее светлости с бедной женщиной? Рита продолжала плакать и жаловаться:

- Дети должны теперь умереть с голоду и холоду.

- Слушайте! - сказала леди Алина.-

Я выкуплю вашего осла и дам вам денег столько, что вы целую зиму будете сыты и вам будет тепло. И даже не одну зиму, а гораздо больше. Но за это вы должны мне отдать то, чего я хочу.

Рита и соседи закричали все разом. Отдать синьоре то, чего она хочет? Что в этой бедной хижине может ей понравиться? И как они, несчастные, могут ей в чем-нибудь отказать?

Леди Алина показала на Пичиуно, который, стоя около осла, гладил его морду, а крупные слезы висели на его ресницах.

- Я хочу, чтобы вы уступили мне вашего мальчика,- решительно заявила она.- Я хочу его взять к себе, чтобы он жил у меня. Для него это будет лучше.

Со стороны соседей опять раздался возглас изумления, а Рита молчала.

- Пичино?.. - пробормотала она наконец.- Вы хотите взять его к себе, сделать его своим сыном? - И тут она невольно воскликнула: - Великий Боже! Это все из-за его ресниц!

Леди Алина пожала плечами:

- Я не могу сделать его своим сыном, но буду заботиться о нем. Он будет со мною жить, его будут кормить, одевать и холить.

Мария дернула мать за передник.

- Мать,- сказала она,- Пичино сдела-ется синьором. Он будет ездить в экипаже знатной - леди. Ему будет так хорошо жить, как принцу.

- Как принцу... - повторили хором соседи.- Как королевскому сыну...

И они все посмотрели на грязного маленького Пичино с возрастающим почтением.

Рита тоже на него посмотрела. Никогда она особенной нежностью к детям не отличалась. Из-за детей ей приходилось столько работать и испытывать такие невзгоды, что она в них видела одно только бремя. Когда родился Пичино, ей стало еще тяжелее, чем прежде, и появление его на свет было совсем нежелательным. К счастью для Пичино, благодаря своим длинным ресницам он рано начал зарабатывать себе на хлеб. Если теперь Пичино спасет их всех от голода и удастся выкупить осла, то, пожалуй, не так уж плохо, что он появился на свет Божий. Но Рита была не такая женщина, чтобы отдать сына за бесценок.

Он такой красавец,- запричитала она.Он уже много лир принес в

дом, потому что все форестьеры им любят.

У него такие длинные ресницы. Когда он подрастет и будет петь...

Леди Алина шепнула потихоньку ми-Гордону:

- Ведь я вам говорила, что мне удастся и на этот раз то, чего мне захотелось.

Затем она обратилась к Рите:

Скажите, сколько вы желаете получить за него? Я вам обещаю порядочную сумму. Но глупо будет с вашей стороны, если вы запросите слишком много. Взять его к себе мне хочется, но не так уж сильно, чтобы позволить себя ограбить.

- Глупо было бы, если бы я его не отдала вам,- сказала Рита.- Ведь у меня ему нечего есть ни сегодня, ни завтра, ни послезавтра, если только не случится какого-нибудь чуда. Ваша светлость приютит его, выкупит осла и нас избавит от голода. Позволено ли мне будет иногда приходить на виллу синьоры, чтобы повидать его?

- Да,- согласилась леди Алина.- И вас там всякий раз накормят и с собой чего-нибудь дадут. Вы возьмете его назад, как только захотите.

Последнее она сказала по двум причинам. Во-первых, она была уверена, что мать предпочтет не брать мальчика домой. Оставаясь у леди Алины, он будет служить для семьи постоянным источником мелких доходов. И, во-вторых, она сама никогда не испытывала долговременных привязанностей. Если бы мать стала ей надоедать, она бы рассталась с ребенком без малейшего огорчения. Она брала его только ради развлечения.

Пичино совершенно не понял, как это все случилось. В то время как мать, соседи, отец и Беппо говорили со знатной леди, он стоял, прижавшись к ослу. Он знал, что говорят о нем, так как несколько раз слышал собственное имя, но был слишком мал, чтобы понять, в чем дело.

Зато Мария слушала с жадностью. Она была страшно взволнована. Еще до окончания торга она подбежала к Пичино и попыталась объяснить ему происходящее.

- Синьора выкупит осла,- сказала она.-И еще, кроме того, даст нам денег. А ты поедешь в ее красивом экипаже в Сан-Ремо, будешь жить на ее великолепной вилле и сделаешься синьором. И тебе дадут все, чего ты только захочешь. Тебя оденут как королевского сына, и у тебя будут слуги. Ты станешь богат, как форестьеры.

Пичино робко посмотрел на нее. Он отнюдь не был избалованным, изнеженным ребенком. На него не слишком-то обращали внимание. В

семействе осел был гораздо важнее его. Но та грязная хибарка, где он ел и спал, была все-таки его домом, и ему как-то странно было думать, что он будет жить где-нибудь в другом месте.

Но Мария была в восторге и, по-видимому, считала его счастливым. И все восхищались его судьбой, а он сам был рад только тому, что осел остался дома. В конце концов, когда сделка была заключена, его повели торжественной процессией снова туда, где остановились экипажи. Мать, Мария и соседи гордо вышагивали по дороге рядом с Пичино. На некотором расстоянии плелся старый Беппо. Осел, освобожденный от веревки, заинтересовался, должно быть, судьбой своего друга и тоже пошел вслед за всеми, лениво пощипывая траву. Леди Алина и мистер Гордон опередили процессию. Когда они достигли места, где их ждало остальное общество, леди Алина холодно объявила им о своем необыкновенном поступке.

Я купила ребенка с длинными ресницами,- сказала она.- Он поедет со мной в Сан-Ремо на козлах рядом с кучером. Мальчик слишком грязен, чтобы сидеть вместе с нами. До него нельзя дотронуться. Его надо прежде всего вымыть.

Никто особенно не расспрашивал о том, что побудило ее купить Пичино, потому что и она сама никогда не размышляла о причинах и возможных последствиях своих действий. Она делала все, что приходило ей в голову, повинаясь только своим мимолетным желаниям. Ей было решительно все равно, что о ней думают окружающие. Это было их дело, а не ее.

- Вы купили Пичино! - воскликнул один из ее знакомых.- Значит ли это что вы его усыновите?

- Этого и в мыслях у меня не было,- сказала леди Алина.- Я его привезу домой и хорошенько вымою. Когда он будет чист, я решу, что с ним делать дальше. В настоящую минуту меня интересует только одно: что будет после того, как его вымоют в теплой ванне и расчешут ему волосы. Я хочу посмотреть, как это произойдет. Хотела бы я знать, что он подумает, когда его посадят в ванну. Никольсон будет ходить за ним, пока я не найду няньку. Посмотрите на процессию по дороге: его приятели и родные сопровождают его и уже смотрят на него с благоговением.

Она сделала знак лакею.

- Грегс, вы и Гепбурн должны посадить ребенка между собой на козлы. Я его возьму домой, в Сан-Ремо. Смотрите, чтобы он не упал.

Грегс подошел к кучеру с несколько странным выражением на

лице.

- Хорошенький букет нарциссов нам предложено везти с собой. Миледи приказала посадить мальчика между нами на козлы.

- Вот так удовольствие! - возмутился кучер.- Будем надеяться, что он не наградит нас какой-нибудь заразой.

Так началась для Пичино новая жизнь.

Глава И

Пичино слишком привык к своей грязи и не понимал, что она может отталкивать от него людей. Поэтому он и не обратил внимания на брезгливую мину Грегса, когда тот поднял его на руки и посадил на козлы.

Совершенно таким же способом Грегге взял бы в руки грязную собачонку, если бы леди подобрала ее где-нибудь по дороге и поручила бы ее ему, Грегсу.

Но если Пичино и не вполне понимал, как на него смотрят важные господа в ливреях, между которыми он сидел на козлах, все-таки ему было не по себе, и он чувствовал, что они относятся к нему недружелюбно. Ему казалось, что козлы находятся ужасно далеко от земли. И когда экипаж стал спускаться по извивающейся дороге, Пичино страшно испугался, особенно после одного очень крутого поворота. Он боялся, что свалится с козел, но не смел уцепиться за Грегса, старавшегося, насколько это было возможно при данных обстоятельствах, отодвинуться от Пичино подальше.

Далеко было до Сан-Ремо, но дорога показалась Пичино еще длиннее, чем это было в действительности. Сан-Ремо был г для Пичино совершенно неведомой страной. Он туда никогда не ездил и только слышал об этом городе от Марии. Она ездила в Сан-Ремо однажды в тележке,запряженной ослом, и потом никак не могла забыть того впечатления, какое произвела на нее эта поездка. Во всякое время с удовольствием готова была она описывать все, что там видела: улицы, лавки и большие отели.

Пичино так устал, что задремал. При въезде в город его разбудил грохот колес по мостовой. Он раскрыл свои красивые заспанные глаза, и его ослепило уличное освещение. В действительности освещение не было уж таким ярким, но Пичино был им совершенно поражен. Если бы с ним была Мария, он прижался бы к ней и расспросил ее обо всем. Грегсу же он не мог задать ни одного из интересующих его вопросов.

Как истинный англичанин, Грегге считал, что ему вполне достаточно знать только свой родной язык. Если итальянцы желают говорить по-итальянски, это, конечно, их дело, но пусть они тогда и не претендуют на то, чтобы Грегг их понимал.

Таким образом, Пичино проехал по удивительным улицам молча. Сидящие в коляске тоже молчали. Их убаюкала долгая езда через леса и оливковые рощи. Леди Алина раздумывала о том, будет ли ее новая затея настолько забавной и интересной, как она ее себе вообразила. Мистер Гордон размышлял о том же. Другой господин в коляске мысленно изобретал новые украшения для шарабана своей знакомой. О Пичино думала девушка, которая сидела Алиной. Она была умной девушкой и спрашивала себя, понравится ли Пичино его новая жизнь и не начал ли он тосковать уже теперь о своем доме.

Дорога опять поднялась в гору. Белоснежная вилла леди Алины стояла на одном из выступов горы. Кругом террасами спускался к морю сад. Вид был чудный. Когда коляска въехала в красивые ворота, сердечко Пичино сильно застучало, хотя он совершенно не понимал, почему. От деревьев падали глубокие тени. Отовсюду несся аромат апельсинов, гелиотропов и роз. Окна белого дома с большим фонарем у подъезда были ярко освещены.

Бедный маленький грязный крестьянский мальчик! Все это богатство и великолепие не могло не испугать его! Только один звук напомнил ему что-то домашнее! И, ах, как он обрадовался ему! Когда коляска въехала в ворота, Пичино услышал лай. Это был радостный, порывистый, визгливый лай собаки, которая приветствовала коляску.

Конура собаки-изгнанницы была как раз у ворот. Вероятно, собака охраняла вход в сад. Она была привязана на цепи. Бедняжке не доставляло никакого удовольствия сидеть здесь в одиночестве вдали от всех. Она не могла играть, ласкаться, прыгать и тереться о платья леди и брюки джентльменов, оставляя на них следы своих грязных лап. И потому собака чувствовала себя несчастной. Когда она слышала приближающиеся шаги, то всегда рвалась на цепи, лаяла и визжала.

В возвращающейся коляске сидели ее старые знакомые, поэтому собака совсем обезумела от радости: лаяла, прыгала и делала все возможное, чтобы выразить всю полноту своего восторга. Она преданно любила леди Алину, хотя та почти не удостоивала ее своим вниманием. Только два раза она мимоходом сказала ей: «Хорошая собака, верный пес», а когда однажды подошла и прикоснулась к ней рукой, собака пришла в дикий восторг и от радости стала кататься по

земле.

И так случилось, что, когда коляска въехала в красивые ворота, Пичино услышал знакомый собачий лай, этот любящий, молящий, нетерпеливый собачий лай, который одинаково звучит и в Италии, и в Англии, у знатных богачей и у бедных крестьян. Собаки в хижинах близ Чериани просили о том же самом, что и собака леди Алины: чтобы человеческие существа любили их хоть немножко и верили, что они, собаки, любят людей всем сердцем. И Пичино, красивый ребенок-зверек, смутно понял это и почему-то сразу вспомнил своего друга осла. Ему вдруг показалось, будто старая хибарка, развалившийся сарай и Мария немного приблизились к нему. Он невольно поднял свое нежное румяное личико и обратился к Грегсу:

- A chi il cane? (Чья собака?)

- Что он говорит? - спросил Грегге кучера.

- Наверное, про собаку что-нибудь, - ответил Гепбурн.- Чертовский язык, ничего не поймешь.

Пичино так и не получил ответа. Когда коляска подъезжала к дому, он все продолжал прислушиваться к дружескому знакомому лаю собаки и в глубине души желал слезть с козел и подойти к конуре.

Карета остановилась у двери, которую настежь раскрыл лакей в блестящей ливрее. Показалась великолепно украшенная передняя, где по стенам висели прекрасные картины. Пол был устлан богатыми коврами, на них стояли мягкие стулья и другая мебель. Пичино решил, что эта комната - самая лучшая в доме.

Леди Алина обратилась к лакею:

- Пошлите мне Никольсон, - сказала она. - Принесите ребенка в переднюю, - приказала она Грегсу.

Пичино был снят с козел так же осторожно, как поднят на них, и Грегге поставил его на кусочек пола, непокрытый коврами. Мальчик стоял, не двигаясь, и глядел на леди Алину своими великолепными бархатными глазами. Леди Алина сказала что-то своим знакомым, чего он не понял, так как она говорила по-английски.

- Он настоящий зверек, - заявила она.-Он совершенно не знает, что делать. Мне кажется, он глуп. Но зато как красив!

- Бедная крошка,- сказала молодая девушка,- он, должно быть, очень устал.

Никольсон явилась тотчас же. Эта молодая, высокая, прямо держащаяся женщина была одета в черное кашемировое платье с белоснежным передником и таким же воротничком.

Леди Алина показала на Пичино. .

- Я привезла этого ребенка из Чериани,- объяснила она.- Возьмите его наверх, снимите с него лохмотья и сожгите их. Сделайте ему ванну, если нужно, -две или три ванны. Приведите в порядок его волосы. Модеста поможет мне переодеться. Я сама сейчас приду в ванную.

Пичино внимательно следил за ней. Что она там говорит? Что они с ним сделают?

Леди Алина повернулась и пошла с гостями в другие комнаты, а Никольсон подошла к Пичино.

С ней он почувствовал себя так же неловко, как и с Грегсом. Она смотрела на него недружелюбно и вдобавок заговорила тоже по-английски.

- Пойдем со мной наверх. Я тебя вымою,- сказала она.

Но Пичино не понял ее и не двинулся с места. Она была вынуждена взять его за руку, и это ей, по-видимому, было очень неприятно. Никольсон повела его по лестнице, по коридорам и площадкам, мимо чудесных спален, где мебель была самых нежных цветов и всюду виднелись кружева, шелк и ленты. Наконец она открыла одну из дверей и ввела его в помещение, стены и пол которого были из голубого и белого мрамора, а в углу стоял странный большой предмет, похожий на продолговатый ящик, и над ним поблескивали какие-то серебристые штучки. Никольсон отпустила его руку, направилась к этим серебристым штучкам, повернула их, и, как по волшебству, два потока чистой воды брызнули из них и начали наполнять белый мраморный ящик.

Глаза Пичино расширились от изумления. Ему было интересно и немного страшно. Не хочет ли она позабавить его этим фокусом? Мария никогда не видела ничего подобного в Сан-Ремо, иначе она, конечно, рассказала бы ему об этом. На минуту он перестал жалеть, что попал сюда. Если у богатых форестьеры есть такие игрушки, значит, у них должны быть и другие интересные для него вещи.

Вода была горячей. Пичино видел, как подымался от нее легкий белый пар. Он подошел поближе. Никола - он прозвал ее мысленно так, когда услышал, что леди Алина называет ее Никольсон - Никола ходила взад и вперед и собирала какие-то странные вещи: белый кусок чего-то, похожий на пирожок, мягкий упругий круглый предмет, весь в дырочках, большие длинные куски белой материи с бахромой на концах.

- Che fai?(Что вы делаете ?)-воскликнул Пичино.

Но Никола его не поняла, пробормотала что-то по-английски и засучила рукава.

К этому времени оба потока, пенясь и бурля, наполнили ящик почти до краев. Никола опять повернула серебрястые штучки, и снова, как по волшебству, потоки перестали литься, прозрачная вода успокоилась, и только легкий пар продолжал подниматься от нее.

Никола подошла к нему и, стараясь дотрагиваться до него только кончиками пальцев, начала снимать с него платье, ворча что-то по-английски.

Он не понимал, что она говорит.

- Хороша работа для горничной! Мое собственное платье придется, пожалуй, выбросить после этого. Невозможно грязен этот народ. Что за каприз у миледи! Конца нет ее выдумкам. «Сожгите его тряпки!» Хорошо ей говорить: «Сожгите их». Конечно, чем раньше они попадут в огонь, тем лучше.

Она сняла с мальчика последнюю тряпицу и отпихнула ее ногой в сторону. Пичино предстал перед ней, точно маленький смуглый херувим только без крыльев.

- Да! - сказала Никола.- Он хорошенький! Я думаю, в этом и причина, почему миледи взяла его.

Пичино все больше и больше становилось не по себе. Смотреть, как льется вода, было очень интересно, но зачем его раздели? Это совсем неприятно. Ведь форестьеры из Сан-Ремо всегда носили платья. А кроме того, она отбросила ногой в угол чудесные панталоны, панталоны Сандро, которые были подарены Пичино. И уголки его красивых губ опустились.

- Да, конечно, в этом вся причина,-сказал Никола.- Это потому, что он такой хорошенький.

Она взяла его на руки и понесла к ванне.

Пичино посмотрел вниз на белый мраморный ящик, который показался ему глубоким и большим. Вдруг он почувствовал, что его туда опускают, и дико вскрикнул. Они задумали утопить его... утопить... утопить! Его погрузили в воду до самых плеч. Малыш уцепился за Никольсон и пронзительно закричал. Он бился, барахтался, размахивал руками и ногами. Вода бурлила и разлеталась брызгами, попадая ему в глаза, нос и рот.

- Lasciatemi! Lasciatemi! (Пустите меня, пустите меня!) - кричал он.

Никольсон изо всех сил старалась его удержать.

- Господи! Я с ним не справлюсь! Он царапается как дикая кошка. Сиди смиренно, дрянной мальчишка! Замолчи, гадкий поросенок, дай я тебя вымою! Господи! Боже мой! Что я буду делать?

Но Пичино не хотел быть утопленным, не оказав сопротивления. Он не позволит, чтобы его сажали в воду. Она попала ему в рот, нос и глаза, он задыхается, он ничего не видит. Пичино защищался ногами и руками, бодался головой, точно козел, и отчаянно звал на помощь:

-Io non ho fatto niente!Io non ho fatto niente! (Я ничего дурного не сделал!) Мария! Мария!

Шум был так силен, что скоро на лестнице, а потом по коридору слышались легкие шаги, и дверь в ванную отворилась. Вошла леди Алина, удивленная и немного испуганная. Брови ее были нахмурены. Ее сопровождала молодая, дружески расположенная к Пичино девушка.

Пичино при виде их еще сильнее замотал головой и закричал пронзительнее. Он думал, что они пришли вызволить его из беды.

- M'amazza! Aiuto!(Помогите!) - вопил он.

- В чем дело? - спросила леди Алина и подошла к ванне.

- Он не хочет мыться,- проговорила запыхавшаяся Никольсон, продолжая бороться с Пичино.- Он, должно быть, испугался.

Леди Алина засмеялась.

- Выньте его на минуточку, Никольсон, -сказала она.- Выньте его. Изабелла,-обратилась она к молодой девушке, едва выговаривая слова от смеха,- он думает, что Никольсон хочет его утопить. Мыло и вода до того чужды ему, что в таких количествах кажутся ему смертельными.

Никольсон, очень довольная тем, что может передохнуть, вынула мальчика из воды. Пичино стал около ванны, весь мокрый, плача и дрожа. Леди Алина начала снимать свои браслеты и перчатки.

- Дайте мне передник,- попросила она Никольсон.

Надев передник поверх своего платья, леди Алина опустилась на колени перед своей новой игрушкой.

Глупый мальчик! - сказала она по-итальянски, взяв его за плечи.- Никто тебе ничего дурного не сделает. Тебя только вымоют. Ты слишком грязен, чтобы к тебе можно было прикоснуться, а вода смое твою грязь.

Пичино смотрел на нее, вздыхая. Правда, она его освободила и вынула из воды. Но чем это она грозит ему? Что она такое говорит о его грязи?

- Я сама тебя вымою, - сказала леди Алина, подымая его своими сильными белыми руками.- Не смей у меня делать глупости! Если ты будешь шуметь и барахтаться, я тебя утоплю.

Она смеялась, но Пичино замер от ужаса. Такая знатная, могущественная, сильная, высокая леди могла с ним, действительно, сделать все, что ей угодно

- Ведь это ванна,- сказала Изабелла ему ласковым голосом.- Ты не утонешь в воде, не бойся. Тебе ничего дурного не сделают.

Леди Алина спокойно погрузила его в воду. Ее белые руки держали его так крепко и решительно, что он осознал всю тщетность борьбы: ведь если он начнет сопротивляться, она его утопит.

Пичино жалобно посмотрел на добрую синьорину с ласковым голосом и нежным лицом. Крупные слезы покатались из его глаз, он перестал сопротивляться. Но что за странные вещи начали с ним проделывать?

Светлейшая синьора взяла белый кусок и тот предмет, который был весь в дырочках, и начала их тереть друг о друга.

Появилась белая как снег пена, и леди Алина покрыла его этой пеной с ног до головы. Тогда она стала брызгать на него водой, пока не смыла всю пену с тела. Потом принялась его чем-то скрести, потом сделала что-то странное с его ушами, затем вяла маленькую щеточку и потерла ею его ногти, покрывая их и снова смывая ее, то же самое она сделала и с его ногами. После этого она принялась за его голову. Бедные шелковистые, грязные кудри, чего она с ними только ни

делала!

Она терла их белым куском до тех пор, пока они не слились в один мягкий комок из белой пены. И тогда она начала их скрести, погружая в них свои руки, встряхивая и теребя их, а когда это кончилось, чуть не утопила его в потоках воды, которые вылила ему на голову.

Пичино от ужаса не мог даже вскрикнуть. «Люди,- подумал он,- которые с вами так обращаются, способны сделать и не то еще, если вы их рассердите». В его голове, то покрываемой слоем белоснежной пены, то заливаемой потоком воды, опять промелькнуло безнадежное воспоминание о Марии и осле. Еще прошлую ночь он спал дома в своем углу. И все, что он слышал и видел вокруг себя, было ему знакомо, и вода была далеко от него. А теперь он сидит в ней по самые плечи. Она струится по его волосам, ушам, всему телу. И он ничего не чувствует вокруг себя, кроме нее. О, как мог он так ужасно ошибиться, предположив, что пенящиеся струи были пущены для его развлечения! Неужели все это форестьеры придумали для своего удовольствия? Неужели для этого привезли его в Сан-Ремо и заставляют жить в воде, точно он - рыба, и неужели они никогда не выпустят его?

Вдруг светлейшая синьора вытащила его из воды и посадила на что-то мягкое, белое, сухое, разостланное Николой на голубых и белых изразцах пола.

- Вот так! - сказала леди Алина.- Он теперь, я думаю, первый раз в своей жизни чист. Никольсон, вытрите его насухо.

Она стояла, слегка раскрасневшаяся от усиленных движений, и смеялась.

- Это развлекло меня, - обратилась она к Изабелле. - Я сама себе не верю, но это, действительно, развлекло меня. Всякая новинка развлекает. Причешите его, Никольсон, и потом уложите спать.

Она сняла передник, взяла свои перчатки и вышла из комнаты, улыбаясь. А Пичино был оставлен во власти большой мягкой простыни и Никольсон.

Что дальше с ним случилось, было не так страшно, как все предыдущее, но еще более неприятно. Его стали тереть, точно лошадь, а с волосами обошлись совершенно невозможным образом. Каким-то странным инструментом Никольсон вырвала все запутанные клочки. Временами ему казалось, что она вытащит с корнем все его кудри, а с ними оторвется и часть его головы. Довольно долго простоял он у колен Никольсон, тихонько всхлипывая.

Если бы Мария осмелилась подвергнуть его чему-нибудь

подобному, он бы стал отбиваться и кричать. Но в этом удивительном доме, перед этими необычными людьми, которых итальянцы называли форестьеры, в такой чуждой обстановке он как будто окаменел от ужаса. Да и кто бы на его месте не ужаснулся, если бы его посадили в воду, скребли и терли, а потом стали выдирать на голове волосы! И он вдруг спрятал лицо в складках платья Никольсон и разразился горькими рыданиями.

- *Voglio andare a casa! Lasciami andare a Maria e il ciuco!* (Пустите меня домой. Пустите меня домой к Марии и ослу!) всхлипывал он.

Хорошо, хорошо. Сейчас конец,- сказала Никольсон,- Нелегка была работа! И в чем я тебя положу спать? Разве что в ночной кофточке миледи?

- *Voglio andare a casa .* (Хочу домой.) Но Никольсон совершенно его не понимала. Она вышла из комнаты и скоро вернулась в ванную с кофточкой, отделанной кружевами и шелковыми лентами. Кофточка была ему велика, он совсем утонул в ней. Но когда его головка с прелестным личиком выглянула над роскошной кружевной рюшью, он в этом наряде стал еще красивее. Сам Пичино этого, естественно, не сознавал, а чувствовал только, что его опутали чем-то щутовским. Когда же его понесли из комнаты и чудесные панталоны Сандро остались на полу в углу, он посчитал, что ему нанесли еще одно, последнее оскорбление.

Никольсон отнесла его в одну из тех великолепных комнат, которые он успел заметить, проходя по коридору. Она была вся голубая и поразила его своими кружевами, голубыми цветами и разными украшениями. Пичино подумал, что в этом месте с ним опять сделают что-нибудь странное. Но Никола только опустила его на что-то мягкое, над чем висело нечто вроде палатки из кружев и шелка.

Она что-то сказала ему по-английски и ушла, оставив его одного. Он сел и осмотрелся кругом. Может быть, здесь спят форестьеры? Неужели они кладут головы на эти белые штуки? Неужели то, на чем он сидит,- постель?

Он посмотрел на красивую палатку, которая висела над головой, и вдруг почувствовал себя таким жалким, одиноким, что чуть опять не закричал: «Мария!». Если бы она была здесь или хотя бы он мог понять, что говорит Никола, происходящее не было бы еще столь ужасным. Но все кругом было так великолепно и так чуждо ему. Он точно очутился в другом мире, в каком-то раю. Но ему было страшно. Черяни с Марией отделились от него, казалось, на тысячи миль, а

здесь все чужое, и ему так хотелось домой.

Никола вернулась с тарелкой. На ней лежали разные кушанья, и она предложила ему поесть. Но с ним произошло нечто совсем странное. Этого с ним раньше никогда в жизни не случалось. Перед ним стояла целая тарелка вкусных вещей, тех самых вкусных вещей, которые форестьеры привозили с собой в корзинках, а ему не хотелось их есть! Что-то сдавило горло, и он не мог есть. Он, Пичино, не мог есть! Слезы наполнили ему глаза и он отрицательно покачал головой.

--Non ho fame!(Я не голоден),-всхлипнул он и оттолкнул тарелку.

- Его закормили, вероятно, кексами за весь день,- сказала Никольсон.- И ему хочется спать. Господи, Боже мой, какой он хорошенький!

Она отвернула расшитое одеяло, украшенное кружевами, и взбила подушки. Потом опять подняла Пичино, уложила его в постель и накрыла.

- Спи, будь послушным мальчиком. Никольсон потушила свет и вышла из комнаты, оставив дверь приотворенной. Пичино лежал на мягких подушках, и глаза его раскрывались в темноте все шире и шире. В этой большой, великолепной комнате он казался себе таким крошечным, беспомощным.

Как все странно! Его уложили в постель, закутав в шутовское платье с кружевным воротом, который щекочет уши и щеки, а длинные рукава не позволяют пошевелить руками. И он не слышит подле себя, как дышит его друг -осел. Ведь осел остался дома, так как его выкупили у Беппо. Ах, если бы он мог слышать около себя дыхание осла! Но, может быть, никогда-никогда не увидит он его больше, и форестьеры, богатая леди, пожалуй, никогда не позволит ему вернуться домой... никогда.

Пичино тяжело вздохнул, его грудь под роскошной кофточкой леди Алины судорожно поднялась. Он повернулся, утопил лицо в подушки и начал тихонько плакать, плакать без конца.

Пичино так горько плакал, что против воли у него вырвались громкие рыдания. Он тотчас же постарался подавить их. Ведь он не знал, что делают форестьеры с детьми, которые громко плачут. Может быть, они их окачивают потоками воды?

Но как раз в эту минуту случилось нечто странное. Кто-то толкнул дверь и вошел в комнату. Пичино услышал звук шагов по полу, но, приподнявшись на кровати, никого не увидел. Чьи шаги? Это не были шаги Николы. Они были легче и чаще, чем у нее. Малыш задержал

дыхание и прислушался. Шаги приблизились к кровати и остановились. И тогда он услышал знакомое дыхание, настолько же знакомое ему, как шорох осла в стойле. Пичино вскочил на кровати.

- Eun cane (Это собака),- закричал он.

В ответ на это собака прыгнула к нему на кровать. Теплый шершавый язык начал ласково лизать ему шею, руки и лицо. Это была та одинокая собака, которая сторожила у ворот виллы. Она освободилась каким-то образом от своего ошейника и пробралась в дом, чтобы приласкаться к кому-нибудь. Услышав сдавленные детские рыдания, она пришла к Пичино, чтобы его утешить и поддержать, понимая всем своим собачьим сердцем, как тяжелы одиночество и изгнание.

Пичино обхватил ее обеими руками и крепко прижался к ней всем телом. Он тер свои мокрые от слез щеки о жесткую шерсть, а затем свернулся около собаки клубочком и положил на нее свою голову. Она избавила его от чувства одиночества и страха, как это сделал бы его друг-осел, будь он рядом.

Глава III

Очень приятно было для Пичино заснуть возле нового друга - собаки, но форестьеры, по-видимому, взглянули на это дело иначе. У Николы, когда утром она вошла в комнату, вырвался крик

-Скверный мальчишка! О, Господи!Он спал всю ночь с этой грязной собакой. Что скажет миледи?Посмотрите на его лицо, и на простыни, и на кофточку миледи!

Пичино сидел под шелковой с кружевами палаткой, обняв собаку. Никола была чем-то недовольна, это он видел, хотя и не понял ни одного слова. Чем же она недовольна?

- Пошла вон! - закричала Никольсон, сильно ударив собаку.- Пошла вон! И как ты забралась сюда?

Она спихнула собаку с кровати и побежала за ней до дверей, чтобы выгнать ее из комнаты. Леди Алина столкнулась с ними на пороге.

- Почему здесь собака? - спросила она.

- Право, не знаю, миледи,- сказала Никольсон. Никогда прежде она не забиралась сюда. Должно быть, почуяла мальчика. Он спал с ней всю ночь.

- Спал с ней? - воскликнула леди Алина.

Она вошла в комнату и посмотрела на Пичино.

Собака, действительно, была пыльной и грязной. И Пичино, и кровать достаточно красноречиво свидетельствовали об этом.

- Боже мой! - сказала ее светлость.-Никольсон, возьмите его и сейчас же вымойте.

И опять его потащили в белую с голубым комнату...,

—

Пичино был совершенно ошеломлен. Он стоял и дрожал, глядя, как Никольсон снова повернула серебряные штуки и зашумели два потока воды.

Она сняла с него его странный ночной наряд с той же брезгливой предосторожностью, с какой накануне снимала с него лохмотья. Затем, взяв ребенка на руки, она погрузила его глубоко в воду и начала мылить, тереть, скрести его так же сильно, как вчера. На этот раз он не кричал и не сопротивлялся, а сидел смирно, глядя неподвижно перед собой.

С каждой минутой родной дом отдалялся от него все больше и больше. Собака приблизила Чериани к нему, но собаку прогнали. И теперь он опять сидит в воде и снова его намыливают и трут. Наконец Никола вытащила его из воды, вытерла досуха и оставила ненадолго одного.

Она возвратилась с какими-то белыми вещами и начала надевать их на него: сначала смешную маленькую рубашку с кружевами, потом странные короткие штанишки, не такие чудесные, длинные, как у взрослых мужчин или как панталоны Сандро, нет! Эти панталоны были белые, коротенькие, до колен, и обшиты кружевами. А потом - юбку! Да, это была юбка! Разве он не мужчина? Он оттолкнул от себя платье, и лицо его вспыхнуло от негодования.

- Roba di dina! N0! N0! (Женское платье! Нет! Нет!) - кричал он возмущенно.- Dove sono miei pantaloni?lo porto pantaloni. (Где мои панталоны! Я ношу панталоны.)

Никольсон сильно ударила его. Ей надоели итальянские восклицания.

- Гадкий мальчишка! - сказала она. -Стой смирно. Не понимаю, что ты там болтаешь, и слышать ничего не хочу.

Таким образом, против его воли на Пичино надели позорное платье с юбкой, талию опоясали кушаком, вокруг шеи закрепили кружевной воротник и натянули на его смуглые ноги хорошенькие

чулки. На его спине красовался большой бант, у ворота - другой, поменьше. Волосы опять расчесали гребенками и пригладили щетками. Когда это все кончилось, он был красен как рак от нанесенного ему оскорбления. Пичино казалось, что его обрядили шутком.

Дайте ему только уйти, дайте ему уйти, он им покажет себя, если они станут его ловить! Он не знает, далеко ли до Чериани, но только бы ему удалось потихоньку проскользнуть в дверь и убежать домой! Пусть они после возьмут его осла, но сам он так будет кричать, бросаться и кусаться, что они побоятся купить его во второй раз.

Такие мысли вертелись в голове к Пичино, между тем как Никольсон тащила его вниз по лестнице в столовую.

Никольсон страшно злилась. Ее нанимали горничной, а не в няньки. А теперь ей опять пришлось, как вчера вечером, мыть и скрести этого мальчишку. Рано утром ее послали за платьем для Пичино к приятельнице леди Алины, у которой были дети, и эта ранняя прогулка совсем не пришлась по вкусу Никольсон. Но ее злоба была ничто в сравнении со злобой Пичино.

Встреча в столовой с леди Алиной усилила его скверное расположение духа. Она так странно на него смотрела. Если бы он был постарше, то понял, что она на него смотрит не как на человеческое существо, а как на дикого зверька. Она подозвала его к себе совершенно таким же тоном, каким подозвала бы своего пуделя.

- Иди сюда!

Он подошел к ней, надув свои красные губки.

- Что ты дуешься? - спросила она.-Что с ним, Никольсон?

- Не знаю, миледи,- ответила Никольсон несколько раздраженно.- Он не желает мыться, не желает одеваться. Вероятно, он не привык к чистоте.

- К чистоте? - сказала леди Алина.-Уж, конечно, не привык. Тебе идет твое новое платье,- прибавила она, обращаясь к Пичино по-итальянски.

- *Ma queste sono vestite di ragazza!* (Это платье девочки), - сказал он, надув губы.

-- Будешь носить то, что я хочу,-заявила леди Алина.- Никольсон, дайте ему супа. Я его буду кормить, как кормят детей англичане. Как он будет вести себя за столом? Очень интересно посмотреть.

Какой странный завтрак ему предложили! Без черного хлеба, без фиг и без зелени, один овсяный суп, которого он никогда не ел. Суп ему

совсем не понравился, показался клейким и безвкусным.

Пичино отпихнул тарелку и еще больше надулся. А леди Алина забавлялась им и разговаривала с гостями по-английски о том, какой он хорошенький и как это интересно, что, несмотря на английское платье и английский овсяный суп, он все-таки продолжает оставаться маленьким итальянским крестьянином.

Весь день прошел для Пичино так же, как и утро. Его сердечко кипело от негодования, что на него смотрят и играют им, как игрушкой.

Леди Алина взяла его с собой в коляску, повезла по городу и накупила платьев. Все - платья для девочек. Когда их примеряли на него, лицо его сердито хмурилось, а леди Алина смеялась и люди в лавке тоже.

Пичино готов был броситься на них и избить их всех, но они были такие большие, а он такой маленький.

Когда они приехали назад и въезжали в ворота, бедная собака снова залаяла начала рваться на своей цепи.

Опять ему вымыли лицо и руки и причесали волосы, а затем посадили обедать. Угощали странными вещами. Большая английская с кровью котлета показалась ему отвратительной. Удивленно посмотрев на рисовый пудинг и огромные картофелины, которые положила ему на тарелку Никольсон, он подумал: уж не хотят ли его уморить с голоду?

- Господи! Да чего же еще нужно этому мальчику! - воскликнула Никольсон.- Я уверена, что никогда ему не предлагали такого обеда.

Это была правда. Он привык питаться совершенно по-другому, и сытные английские кушанья были ему противны.

Пичино чувствовал себя пленником. От голода он еще больше злился и думал только об одном: как бы поскорее убежать отсюда.

Вечером его переодели в другое платье, тоже с юбкой, поясом и кружевным воротником.

К леди Алине пришли гости. К пяти часам, когда начиналось чаепитие, у нее всегда бывало много гостей, а на этот раз еще больше, так как все хотели посмотреть на ребенка, которого она привезла с собой из Чериани. Знакомых очень интересовали новые затеи леди Алины. С Пичино говорили, рассматривали его, забавлялись им, как очаровательной игрушкой. Чем больше он дулся и отворачивался, тем чаще смеялись над ним. Яркая краска не сходила с его щек. Он отказывался от кексов, которыми его пытались кормить точно какого-

нибудь попугая или пуделя, чтобы заставить показать свои фокусы.

- Он, по-видимому, очень сердитый, -говорила гостям леди Алина.- И ненавидит цивилизованный образ жизни. Когда Никольсон посадила его в ванну, он подумал, что его хотят утопить, и боролся точно тигренок изо всех сил. Дворовая собака порвала цепь, пришла к нему, и он проспал с ней всю ночь. Сегодня весь день он ничего не ел. Не знаю, удастся ли мне его приручить.

В то время как большая часть веселого общества в гостиной пила чай и шоколад, ела кексы, а некоторые гости прохаживались среди цветов по террасе, в сад вошли странствующие музыканты: отец, мать и двое детей. Они услышали громкие голоса, увидели нарядно одетых людей и пришли, чтобы спеть народные песни под аккомпанемент мандолины и гитары. В таких шумных местах им часто удавалось выручить деньги.

Как только они заиграли и запели, Пичино подбежал к окну. Они пели так, как поют в Чериани, и ему страшно захотелось посмотреть на них поближе.

Пели мужчина и мальчик, а девочка такого же возраста, как Мария, обходила собравшихся и собирала выручку. Пока же она стояла в стороне, спокойно жуя черный хлеб и еще что-то, что лежало у нее в переднике. И выглядела она при этом совершенно так же, как Мария, когда той удавалось добыть что-нибудь вкусное. У Пичино слюнки потекли, и смелая мысль пришла ему в голову.

Гости были заняты друг другом, и о нем в эту минуту забыли. Пичино быстро огляделся кругом и выскользнул через боковую дверь. Минуту спустя девочка, похожая на Марию, вздрогнула от изумления. Между цветами и пальмами, вблизи которых она стояла, появилась странная фигурка: ребенок, одетый так роскошно, как дети самых богатых фо-рестьеры, но заговоривший с ней на их родном итальянском наречии. У него были огромные черные глаза и прелестное смуглое личико, и он смотрел на нее так, как смотрят друг на друга крестьянские дети в Италии.

- Я голоден,- сказал он.- Я ничего не ел. Дай мне кусок твоего хлеба.

Девочка глядела на него вытаращив глаза.

Хлеба? - воскликнула она.- Ты живешь здесь?

- Я живу в Чериани, - сказал Я Пичино. Синьора взяла меня. Дай мне хлеба.

Она отломилла ему большой кусок, продолжая смотреть на него с

изумлением. У нее мелькнула мысль, что, может быть, он ей за это что-нибудь даст.

В переднике у нее лежала колбаса, сильно приправленная чесноком. Она и от колбасы отломил кусок и протянула ему.

Пичино схватил колбасу и жадно стал ее уничтожать. Никогда в жизни он не ел ничего вкуснее. Он пожирал пищу точно волчонок, кусая попеременно то хлеб, то колбасу. Малыш весь запачкался, руки и лицо покрылись жиром. Он крепко сжимал в руках колбасу и спешил как можно скорее съесть ее.

- Они тебя не кормят? - спросила девочка.

- У них куски сырой говядины и какой-то клейстер, я не могу их есть, - сказал Пичино.

Так он говорил о бараньих котлетах, рисовом пудинге и овсяном супе.

Мистер Гордон, который находился среди гостей, случайно выглянул в окно. Он быстро надел пенсне и сказал, весело смеясь:

- Пичино свел дружбу с маленькой итальянкой. И они оба уничтожают хлеб с колбасой.

- Какой ужас! - воскликнула леди Алина.

И она приказала Грегсу немедленно привести Пичино.

Греге возвратился через несколько минут, неся на руках сопротивляющегося Пичино. Его щеки и рот лоснились от жира, и он издавал такой сильный запах чеснока, что гости, издали почувствовав его приближение, отступали перед ним и давали ему дорогу.³³⁵

Какой ужас! - сказала леди Алина. - От него пахнет чесноком. Поскорее унесите его, Грегге. Отнесите его к Никольсон и скажите ей, чтобы она его вымыла.

Таким образом случилось, что в третий раз за одни сутки Пичино был погружен в воду и снова покрыт мыльной пеной.

Но запах чеснока Никольсон не в состоянии была смыть. Даже когда Пичино весь засиял от чистоты и на него надели другое платье, он все-таки распространял вокруг себя этот ужасный запах. Никольсон награждала его разными нелестными прозвищами. Дома к мелким проступкам Пичино относились снисходительно, но он часто слышал, как бранили Марию, и прекрасно понимал, что Никольсон очень сердится на него. Она, действительно, злилась, что ей опять приходится возиться с этим грязным маленьким поросенком. Только что она приделась, собираясь погулять в саду и приятно провести время. И вот ее снова заставили мыть и одевать этого неряху-мальчишку, от которого несло чесноком. Нет, это слишком! Она не могла этого вытерпеть. И когда Пичино сделал какое-то неловкое движение, она звонко ударила его во второй раз за этот день.

Он раскрыл рот и вскрикнул от ярости, но потом вдруг замолк. Если бы ему вместо шести было двадцать шесть лет, он бы, вероятно, поднял на нее нож. В нем кипела итальянская кровь, которая заставляет человека в ярости хвататься за нож.

Во всяком случае от его упорного взгляда Никольсон почему-то

сделалось неловко.

Вести его назад в гостиную было немислимо, а Никольсон не желала сидеть с ним и вдыхать запах чеснока. Она грубо посадила Пичино на кресло и ушла, оставив его одного. Сама же пошла в соседнюю комнату, откуда могла любоваться видом в сад. Правда, придется время от времени заходить к нему и смотреть, что он делает.

Пичино остался один. Все его существо кипело негодованием. В овальном зеркале, висевшем на стене напротив кресла, отражались прелестное личико, горящие глаза, плотно сжатые губы, девчоночье платье с широкой юбкой и кружевным воротником.

Пичино не знал, что он хорош собой, он только чувствовал себя смешным в своем наряде. Осел, пожалуй, и не узнал бы его. Ему было обидно: они насильно сажают его в воду, прислуга презирает его и отворачивается от него с отвращением, его бранят и бьют. Крупные слезы наполнили глаза. Неужели он навсегда останется здесь, где ему не с кем играть, где он не понимает, о чем говорят кругом? Неужели он никогда больше не увидит ни Марию, ни осла? Никогда, никогда? Он плакал от злости и негодования и от сознания своей беспомощности.

- *Voglio andare a casa!* - рыдал он.-*Voglio andare a casa!* (Я хочу домой!)

★ ★ ★

Когда Никольсон заглянула к нему в комнату, он спал, опустив голову на мягкую ручку кресла.

- Слава тебе, Господи! - сказала она.-Уж, конечно, будить его я не стану. Пусть спит, пока я не пообедаю. Если ее светлость желает его оставить у себя, она должна нанять настоящую няньку.

Глава IV

Стемнело, когда Пичино проснулся. Гости ушли, а сама леди Алина уехала. Она любила покататься в сумерках. Прислуга веселилась по-своему в кухне, и весь дом опустел. Так было тихо, что Пичино, проснувшись и протирая спрpsonья глаза, немного испугался. Он привык к своей тесной и шумной хижине, переполненной детьми, и вила леди Алины казалась ему громадной, хотя в действительности совсем не была велика.

Пичино осмотрелся и начал прислушиваться.

- Никого здесь нет,- сказал он вслух сам себе.- Все ушли. Никола ушла.

Общество Никольсон, разумеется, не особенно нравилось ему, но теперь в нем заговорило чувство одиночества. Вдруг через открытое

окно до него долетел звук, который сразу изменил его настроение. Это был дружеский лай его приятеля, приходившего к нему ночью, голос одинокой собаки, привязанной у ворот, которая так жалобно просила у людей ласки и привета.

Сердце Пичино забилося сильнее. Он быстро подошел к двери. Она была открыта. Никольсон, уходя, к счастью, не заперла ее. Он легко нашел дорогу к лестнице. Пичино и не пытался выйти наружу через ту большую входную дверь, через которую его внесли в дом. Он знал, что у него не хватит сил открыть ее. Но он вспомнил о боковом выходе в сад, откуда он пробрался к девочке, похожей на Марию.

Скоро Пичино очутился в саду среди клумб с цветами. Он быстро побежал по аллее прямо к воротам. Как обрадовалась ему собака, когда он прибежал к конуре! Как она прыгала и ласкалась к нему! Она узнала своего маленького приятеля, в кровати которого проспала всю ночь. Пичино обнимал собаку, терся о ее грубую шерсть, тесно прижимался к ней и так испачкался, что впору было готовить для него ванну. Но нет, его больше не посадят в ванну. Он возьмет собаку с собой. Пусть она поможет ему найти дорогу.

Пичино' приложил все свое старание, чтобы освободить ее от цепи. Он долго возился с ошейником. Наконец почувствовав себя на свободе, собака в бешеном восторге начала носиться по траве, прыгать и бегать большими кругами.

- Пойдем... - сказал Пичино,- пойдем со мной. Я иду домой.

Он не думал о том, что его легко могут поймать и снова вернуть в рабство.

Для этого он был еще слишком мал. Но он понимал все-таки, что ему при встрече с людьми лучше держаться в тени. Он крался потихоньку, прячась за деревья. В конце концов дома, виллы и лавки остались позади, и он выбрался за город на извивающуюся среди оливковых рощ и винограда горную дорогу. Тогда он почувствовал себя дома.

Как далеко было до Чериани, он не знал, но встречные большие и маленькие деревья были ему хорошо знакомы. И небо над головой, и ветер, который дул с моря, ласково пошевеливая его кудри, были ему родными. Ему казалось, что эти два дня он был страшно далеко от дома, а теперь Чериани близко.

Он привык быть на ногах и бегать целыми днями, так что не скоро устал. Когда же Пичино почувствовал усталость, то сел на траву, а собака уселась рядом.

Они по-своему беседовали друг с другом. Отдохнув, мальчик и собака снова пустились в путь.

Много раз они садились, опять вставали и шли дальше. Но наконец Пичино 1 измучился. Ноги его были еще слишком слабы, и вдобавок ему вдруг представилось, что до Чериани еще бесконечно далеко. Он почувствовал себя очень маленьким. На небе засветились звезды, и вдруг он вспомнил, как долго ехала коляска форестьеры после пикника до Сан-Ремо. Пичино внезапно опустил на траву и заплакал.

- Мы не дойдем,- сказал он собаке. -Мы не дойдем.

Собака печально посмотрела на него.

Возможно, она поняла, что ей говорил Пичино. Тряхнув ушами, она прижалась к Пичино и начала по-своему целовать его, слизывая горькие слезы, катившиеся по щекам малыша. Она прекрасно знала, что сама может добежать до Чериани, но не хотела оставить своего маленького друга одного на большой дороге.

- Мы не дойдем,- всхлипывал Пичино.-Мария! Мария! Мария!

Тем временем по дороге поднималась в гору тележка, запряженная ослом. Это была простая, грубо сделанная крестьянская тележка, в которой сидели двое молодых людей и мальчик. Они возвращались с праздника. Мальчик заснул, а молодые люди то пели песни, то весело шутили и смеялись, то говорили об одной девушке, с которой им довелось танцевать и которую звали Марией. Они много танцевали, много веселились и порядочно выпили вина, так что движения их были не совсем уверенными.

Вдоволь насмеявшись и нашутившись, они ни минуточку замолчали. Их укачало мирное покачивание тележки. Было очень тихо. Легкий ветер дул с моря. Оливковые деревья еле слышно шуршали. Над темными рощами мягко сияли звезды.

- О чем ты думаешь, Пьетро? спросил, посмеиваясь, молодой человек своего друга.

- Мария! Мария! Мария! Мария! -раздался невдалеке от них голос Пичино.

Оба дружно расхохотались.

- Даже деревья призывают Марию! -сказал Александр.

И они оба снова так расхохотались, что едва не свалились с тележки.

Вскоре тележка поравнялась с Пичино, и осел, движимый инстинктом, остановился.

Мария! - кричал Пичино.- Хочу домой! Хочу дом-о-о-й!

- Это ребенок,- сказал Пьетро. - Он заблудился.

Вино привело их в прекрасное настроение, и они были готовы ко всяким происшествиям.

Пьетро вышел из тележки и, слегка покачиваясь, подошел к Пичино, который сидел у дороги вместе с собакой и плакал.

- Кто ты такой? - спросил он. -Почему ты плачешь?

В ответ слышались рыдания.

Пьетро и Александр громко рассмеялись, разглядев, как он был странно одет. Головы их работали недостаточно ясно, чтобы они могли вполне уяснить себе отрывочный, бессвязный рассказ мальчика о форестъери, воде, Николе и осле. Но они поняли, что он жил около Чериани и хотел домой к Марии. Пьетро и Александр тоже жили недалеко от Чериани и решили подвезти забавного малыша.

- Возьмем его в тележку,- предложил Александр.- Дальше он и сам дойдет. Пусть расскажет дорогой о своей Марии.

Пичино посадили в тележку, а собака весело побежала рядом с ослом. Вероятно, она откровенно рассказала все ослу. По крайней мере, она непременно поведала ему о том, как грустно жить в конуре одной с цепью на шее и видеть равнодушных людей, проходящих мимо и не обращающих на вас ни малейшего внимания, несмотря на ваши прыжки, лай и мольбу о добром слове и ласке.

Пичино*, сидя в тележке, прислонился к Пьетро и чувствовал себя вполне счастливым. Он отвечал на вопросы о Марии и не мог понять, почему его избавители смеялись при каждом его слове. У Пьетро была вкусная еда, которую он вез с пирушки, и он поделился ею с Пичино. Мальчик очень забавлял своей болтовней молодых людей. А когда он заснул, они уложили его на дно тележки и не тревожили, пока не доехали до своего дома. Только тогда они разбудили его.

- Слезай,- говорили Пьетро и Александр, добродушно тряся его за плечи.-Тут ты найдешь дорогу к Марии.

Пичино слегка пошатывался, стоя на дороге и потирая глаза.

- Где Мария? - спрашивал он полусонный.

- Иди прямо и дойдешь до нее. Чериани близко отсюда.

Оставшись один, Пичино снова начал было плакать. Но вдруг при свете месяца он увидел толстое, расколотое бурей оливковое дерево, в тени которого они часто сживали вместе с Марией. Его сердце сильно забилося, а слезы сразу высохли. Значит, правда, что он недалеко от

Чериани! Дом близко! Он дойдет до него!

Пичино побежал так быстро, как только позволяли его коротенькие ножки. Белая вилла, важные синьоры, которые потешались над ним, мытье в ванне, Никола и ужасный клейстер были от него так же далеко, как утром были далеко Чериани и осел. Слезы вдруг опять полились из глаз, но теперь этот маленький прелестный полудиккий ребенок, которого насильно захотели ввести в неведомый и чуждый ему мир, рыдал от счастья.

Он все бежал и бежал, с каждым шагом приближаясь к тому, что было ему близко и знакомо. Месяц приветливо смотрел на его крохотную юркую фигурку, а деревья дружелюбно шелестели, когда он пробегал мимо них.

- Мария, Мария! - шептал он тихонько.

Наконец он добежал до своей милой родной хижины. Пичино казалось, что он не видел ее много-много лет. Он стал колотить своими маленькими кулачками в дверь.

- Мария, Мария! - кричал он.- Отвори дверь. Я пришел домой. Пусти меня!

Но внутри все спали тяжелым сном измученного работой крестьянского люда. Они не слышали бы, если даже он стучал бы гораздо громче. Было слышно тяжелое дыхание спящих. А Пичино стоял, освещенный луной, у двери и все стучал, стучал, но ему не отвечали. Собака виляла хвостом и поглядывала на него с таким участием, что он не чувствовал одиночества и не плакал. Ведь во всяком случае он был дома, среди с младенчества знакомых ему гор, деревьев, близко от Марии и осла! И вдруг он облегченно вздохнул: ведь осел дома, и дверь к нему отперта.

- Осел нас пустит,- сказал он собаке.-Пойдем к нему.

Несколько секунд спустя осел проснулся от прикосновения чего-то мягкого и тотчас же понял, что близкий друг пришел к нему в это позднее время. Он узнал и ласковый детский голос, и маленькое теплое тельце, прижавшееся к нему точно к подушке, и ни одним движением не выразил недовольствия, что его разбудили.

Рано-рано утром, когда Рита отворила дверь сарайчика и пустила туда золотой сноп солнечных лучей, они озарили прелестное бледное усталое личико Пичино. Он крепко спал, положив голову на мягкий бок осла, а около, нежно прижавшись к нему, спала собака.

★ ★ ★

Бегство Пичино не беспокоило и не очень удивило леди Алину. Она послала в Чериани, и когда ей сказали, что он там, она только слегка рассмеялась. По правде сказать, она нашла не вполне удобным и не особенно приятным возиться с таким диким зверьком, совершенно не поддающимся воспитанию. Она послала Рите денег, не очень много, но довольно, чтобы семья считала себя полностью обеспеченной на несколько недель. О Пичино она вспоминала только как о смешном эпизоде, о котором иногда забавно было рассказывать лондонским приятелям - любителям всяких анекдотов.

~ Он думал о нас, что мы дикари или сумасшедшие,- говорила она обыкновенно.- Мне кажется, он все мог бы перенести, но только не ванну. Он говорил, что мы «хотим утопить его в воде».

notes

1